

На правах рукописи

Черкесова Кристина Ивановна

Социокоды культуры и современные технологии хранения информации

24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Белгород – 2018

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии, науковедения
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Научный руководитель

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии, культурологии, науковедения ГБОУ ВО
«Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Официальные оппоненты

Гриценко Василий Петрович, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и общественных дисциплин ФГБОУ ВО
«Краснодарский государственный институт культуры»

Карпенко Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Ведущая организация

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им.
Л.Н. Толстого», кафедра философии и культурологии

Защита состоится 21 декабря 2018 г. в 16.00 на заседании совета по
защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по
философским наукам на базе НИУ «БелГУ» (308600 г. Белгород, ул.
Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ»
(308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г. и размещен на сайте
НИУ «БелГУ» (<http://www.bsu.edu.ru>) и на сайте ВАК Министерства
образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук

Е.А. Кожемякин

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена новым ракурсом фундаментальной антропологической и культурологической проблемы о взаимосвязи человека и техники. Начиная с античного мифа о Прометее и Эпиметее, в истории западной философской традиции оформляется вопрос, в котором присутствуют человек, культура, техника и память. Сегодня этот вопрос получает новое измерение, спровоцированное кратным увеличением техники, окружающей человека и используемой им (в том числе и для сохранения знания). С увеличением возможностей хранения информации, переходом от мало удобных дискет к носителям большого объема, усовершенствованием алгоритмов поиска и развитием интерфейса, человек доверяет технике (машине) всё большие объемы знания и личной информации.

В совокупности все перечисленное ведет как к расширению возможностей человека, так и угрозам. Возникают не ведомые ранее проблемы, связанные с защитой персональных данных, приватности жизни, а также и более фундаментальные риски. Поскольку память человека высвобождается, может быть передоверена машине и искусственному интеллекту, не приведет ли это к сокращению способностей самого человека, некой атрофии индивидуальной и культурной памяти? В совокупности с глобализацией эта проблема становится еще и проблемой сохранения культурного многообразия, идентичности, культурных особенностей.

Выгоды от развития механизмов сохранения информации также достаточно очевидны: удобства в обыденной жизни, связанные с поиском адресов, рецептов приготовления пищи, услуг и товаров; доступные электронные базы и цифровые книги, превосходящие многие традиционные библиотеки. Открытость знания, достигнутая сегодня, благодаря информационным системам и сетям, может считаться беспрецедентной в истории человечества. Следствия этого распространяются на социальную сферу, политическую, культурную и многие другие.

Вместе с тем, остаются не отрефлексированными как все возможные последствия такого развития способов сохранения информации, так и тот путь, который привел к современной ситуации. Механизмы сохранения знания в культуре теряются в мифологической глубине веков и становятся проблемными в наше время, что достаточно определенно обосновывает необходимость философского анализа данного тематического поля, философско-культурологического анализа эволюции механизмов сохранения знания (не только информации) в западноевропейской культуре.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема сохранения знания в культуре восходит к фундаментальной проблеме знания, поднятой ещё в античной философии в поучениях софистов и Сократа, в трудах Демокрита, Платона и Аристотеля. Обращение к ним задает общий широкий исторический и культурный контекст исследования кодирования знания, выявления механизмов и форм такого кодирования, что потребовало обращения к обширному объему исследований культуры, письменности, знания в работах С.С. Аверинцева, Т.В. Блаватской, И.Р. Блохина, Т.В. Васильева, Ю.С. Довженко, А.Б. Егорова, Ф.Х. Кессиди, М.А. Коростовцева, А.Ф. Лосева, А.С. Мельникова, А.В. Петрова.

Средневековый и новоевропейский период в аспекте выявления механизмов трансляции и сохранения знания реконструирован с опорой на работы Ж. Ле Гоффа, А. Де Либера, Б. Кларка, Б. Латура, Дж. Нидама, М. Полани, Д. Прайса. Производство и хранение знания в эпоху капитализма невозможно изучать вне контекста, заложенного в трудах Х. Арндт, Р. Барта, П. Бурдьё, Ф. Гваттари, А. Грамши, Ж. Делёза, М. Сюрри, М. Фуко, У. Эко.

Постсовременность в вариациях «общества знания», «постиндустриального общества», «когнитивного капитализма» и иных концепций, акцентирующих внимание на знаниевой основе сегодняшнего мира, представлена работами Д. Бэлла, П. Вайнгарта, Э. Гидденса, Дж. Гэлбрейта, П. Друкера, М. Махлупа, Р. Райха, У. Росту, О. Тоффлера,

Н. Штерна. У исследователей постмодернизма мы находим критическое осмысление указанных концепций (Дж. Агамбен, Ж. Бодрийяр, Ги Дебор, Г. Стэндинг, С. Жижек).

Стоит отметить также работы, посвященные теории коммуникации, различным формам символизации деятельности и мысли человека, представленные работами М. Бахтина, В. Беньямина, П. Верильо, В. Гриценко, Р. Дебрэ, Ю. Лотмана, В. Савчука, Ф. Киттлера, М. Куртова, Л. Мамфорда, В. Михалкович, Ш. Плеггенборга, Й. Хейзинги, Д. Хезмондалша, Н. Хренова, Р. Кайуа.

Особое место в нашей работе занимают исследования М.К. Петрова, который был первым из отечественных авторов, специально занимавшихся проблемой сохранения и передачи знания, проблемой социокода в философско-культурологическом ракурсе. Его подход был дополнен нами концепцией Б.Ф. Поршнева о механизме интердикции и суггестии, приведшему к возникновению речи, первого человеческого способа кодирования мысли. Важным для реконструкции ранних этапов истории человечества и механизмов хранения знания является концепция речи-мифа, В.П. Римского, а также развиваемый в ряде работ С.Н. Борисова, кандидатских диссертациях Е.А. Бондаренко, Н.Н. Шамардина, А.М. Андреевой культурно-исторический подход к исследованию социокода.

Вместе с тем, до сих пор не предложено целостной концепции динамики способов сохранения знания в истории культуры, как и осмысления тех изменений, связанных с активным развитием информационных технологий, которые разворачиваются сегодня. Наше диссертационное исследование преследует цель прояснить эти проблемы и наметить пути их осмысления.

Объектом исследования является *феномен кодирования в культуре*.

Предмет исследования – *технологии хранения информации в истории культуры*.

Цель работы: *анализ социокодов и технологий хранения информации в истории европейской культуры и цивилизации.*

Для достижения намеченной цели автором были поставлены следующие **задачи:**

- провести критический анализ концепта социокода в современной философии и культурологии;
- проследить динамику трансформации технологий хранения информации в истории европейской культуры;
- определить специфику современных технологий кодирования культуры;
- выявить перспективы технологий кодирования и хранения информации в современном мире.

Теоретические и методологические основы исследования. В изучении феномена трансляции знания и технологий сохранения информации в историческом и современном культурном контексте мы опирались на диалектический, сравнительно-исторический методы, а также культурно-цивилизационный и деятельностный подходы.

Применение системной методологии обусловлено системным и структурно-функциональным характером знания и культурных механизмов его трансляции и сохранения, спецификой кодирования знания в знаково-символических формах, сочетанием культурных, социальных, политических, технологических значений и смыслов данных феноменов.

Теоретическую основу нашего исследования социокодов и технологий хранения информации в истории европейской культуры составила философско-культурологическая и культурно-семиотическая методология М.К. Петрова, позволившая рассмотреть проблему сохранения знания в историко-культурной динамике с учетом диалектических противоречий человекоразмерности и её преодоления техническими средствами.

Научная новизна диссертационного исследования:

- осуществлена реконструкция философско-культурологических значений концепта «социокод», который включает в себя противоречие ограниченного во времени человека и стремящегося к вечности кода;
- выявлены основные этапы трансформации технологий хранения информации в истории европейской культуры, от архаического имитативного комплекса (речи-мифа) до развитых письменных технологий кодирования;
- определена специфика современных технологий кодирования культуры;
- выявлены перспективы развития технологий кодирования и хранения информации в современном мире.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выявленные смысловые значения концепта М.К. Петрова «социокод» включают в себя определяющее разделение деятельности и знания, а также акцент на ограниченном характере человека как места их хранения и инициатора передачи. Проблема сохранения знания акцентирует другое противоречие – между человекоразмерностью и вневременным характером самого кода. Код стремится к идеальной модели коммуникации, которая не зависит от времени и ограничений по вместимости, а также культурного и иного контекстов.

2. В основе первого механизма сохранения знания лежала имитация, которая была существенно ограничена непосредственным зрительным контактом. Возникающая речь создает больше возможностей для трансляции знания, но все еще связана с подражанием, характеризуется ритмичностью и сериацией, отражающейся в речи-мифе. Речь-миф воспроизводит фундаментальное противоречие между телесным автоматизмом и вневременным знаком, в определенном смысле разрешаемое появлением письменности. Возникающее текстоцентричное кодирование знания

окончательно утверждается в средневековье, делает средоточием социоклада книгу и библиотеку как основную часть интерьера сохранения знания.

3. Специфика современных технологий кодирования культуры определяется возможностью преодоления ограничений человекоразмерности техническими средствами, что актуализирует ряд угроз. Выход может быть найден в преодолении восприятия техники как внешнего для человека, понимании последнего как комплекса, одним из которых является «человек – книга» и успешно функционирует, как преобладающий механизм сохранения знания, вплоть до современности. В явном виде альтернатива данному механизму возникает с появлением радио и кинематографа.

4. Перспективы хранения информации сегодня определяются сложными процессами умножения и специализации знания, а также его унификации, что обуславливается использованием машинного и сетевого кода. Цифровые технологии хранения информации лишены ограничений по объёму хранимой информации, а также по времени и культурной специфике. В этом одна из причин кризиса традиционных механизмов сохранения знания. Другая причина заключается во все большем выводе знания из непосредственной памяти человека и его перепоручения машинной памяти. Впервые в истории человек получает возможность создания собственных механизмов сохранения знания. Обратной стороной этого процесса является беспрецедентное развитие механизмов беспамятства.

Научно-теоретическая значимость заключается в том, что оно содержит элементы нового знания в форме философско-культурологической интерпретации технологий сохранения знания в европейской культуре, а также выявлении перспектив технологий кодирования и хранения информации в современном мире.

Практическое значение исследования состоит в том, что результаты исследования внедрены в практику преподавания дисциплин философского и культурологического циклов, специальных курсов кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института

искусств и культуры. Полученные результаты также могут использоваться при разработке программ развития высшего образования и науки, в сфере построения концепций культурной политики, а также проектировании программ, соотносящихся с проблемой сохранения и трансляции знания.

Личный вклад автора заключается в развитии концепции социокодов М.К. Петрова и апробации её концептуальных установок на историко-культурном материале Нового времени и современности. Автор выдвигает оригинальную интерпретацию культурно-исторической трансформации механизмов сохранения знания, раскрывает обратный механизм забывания, который диалектически связан с запоминанием и, в значительной мере, характеризует современность.

Апробация основных результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались на методологических семинарах и заседаниях кафедры философии, культурологии, науковедения ГБОУ ВО «Белгородского государственного института искусств и культуры», на всероссийских и международных научных конференциях: Международной научно-практической конференции «Наукоемкие технологии и интеллектуальные системы в XXI веке» (Пермь, 3 ноября 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы» (Стерлитамак, 21 октября 2017); Международной научно-практической конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, 8 февраля 2017 г.); V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям» (Белгород, 14 апреля 2017 г.); Международной научной конференции «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика» (Ростов-на-Дону, 21 апреля 2016 г., Белгород, 25-26 апреля 2016 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Наука. Культура.

Искусство: актуальные проблемы теории и практики» (Белгород, 25-26 февраля 2016 г.); IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям (Белгород, 14-15 апреля 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке» (Москва, 2014), Всероссийской научно-практической конференции «Человек в пространстве культуры» (Белгород, 2014); Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития науки» (Белгород, 14 февраля 2014 г.).

По теме диссертации опубликовано 12 научных работ (в том числе 3 статьи в журналах из списка ВАК РФ) общим объемом 4,5 п.л.

Диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из двух глав (по два параграфа), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его объект, предмет, цель и задачи, определяется степень разработанности проблемы, научная новизна и практическая значимость, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе «Информационная и семиотическая методология в исследовании культуры»* реализован философско-культурологический анализ методологических оснований семиотических, информационных, коммуникативистских подходов к исследованию культуры.

В *первом параграфе «Проблемы социокодов культуры и трансляции информации в современной культурологии»* уточнены смысловые значения концепта М.К. Петрова «социокод» и наряду с фундаментальным противоречием деятельности и речи, выявлено противоречие в самом кодировании знания, между человекоразмерностью и кодом.

Проблема социокодов культуры и современных технологий хранения информации, как нам удалось выяснить или несколько прояснить эту проблему, заключается в противоречии и противоречиях, расходящихся по концептуальным линиям противостояния культуры и природы, природы и техники как естественного и искусственного, традиции и новации, знания и информации, трансляции и трансмутации и многих других. Для структурирования этого обширного проблемного поля, которое (и это уточнение для нас немаловажно) нуждается и в историко-культурной конкретизации, мы использовали концепцию М.К. Петрова. Прежде всего, его идею о двух «областях человеческой активности» – деятельности и общении, первая из которых направлена на обеспечение жизни человека, а вторая на изменение знания. Передача и сохранение знания осуществляется посредством знакового кодирования (социокод), что с учетом конкретно-исторических реалий имеет четко определенные формы или механизмы.

При этом, разбор понятий язык, речь, знак и код дает нам понимание того, что сама система коммуникации и сохранения знания стремится, и

всегда стремилась к своему идеальному состоянию через преодоление не только человекообразности, но и ограничений языка (человеческого общения) как способа кодирования, жестко связанного с историей. Сохранение знания как самоцель нуждается в преодолении фактора времени, что и дает обращение к исторически нейтральному коду, который находится вне времени. Это внутреннее противоречие, заключенное в самом социокоде. Противоречие между ограничениями человекообразности и неограниченным кодом, разрастающимся символом или гипертекстом. Вопрос также о самом человеке и его пределах, которые сегодня преодолеваются технически, но также в строго социальном контексте. Это понимание нам дает обращение к теории дискурса. Сохранение знание если и возможно в отдельной голове самостоятельного человека, то его трансляция в широком смысле обусловлена социально. Потому более стоит вести речь именно о технологиях, механизмах хранения информации и только потом о влиянии техники, поскольку наряду со знанием, она присваивается обществом избирательно, цензурируется в соответствии с господствующими дискурсивными практиками.

Во *втором параграфе «Социокоды и технологии хранения информации в истории культуры»* выявляются основные этапы эволюции технологий хранения информации в истории западноевропейской культуры, от архаических имитативных форм, до начала господства книгоцентричных и завершения их преобладания в эпоху позднего модерна.

Само обращение к концепту социокода, и выявленное противоречие внутри него, противоречие между ограниченным временем человеком и его памятью и вневременным кодом, ставит проблему самого кодирования в контексте возникновения человека. Наличие развитой системы коммуникации и, особенно, наличие кодирования – символизации есть свидетельство, как возникновения человека, так и механизмов сохранения знания. Речь, здесь мы ссылаемся на Б.Ф. Поршнева, с полной ясностью свидетельствует о существовании человека, поскольку позволяет

принципиально развести сигнальные системы животных и человека. Если у животных сигналы жестко привязаны к тому, о чем они сигнализируют, то у человека в основе коммуникации лежит знак, который не связан с тем, что он означает. Возникает автономная сфера значений и мир символического как сугубо человеческая реальность. Это человеческое также является избыточным механизмом сохранения знания, поскольку противостоит архаическому механизму подражания.

Имитативный в своей основе, первичный механизм сохранения знания был ограничен непосредственным зрительным контактом производящего и обучаемого. С появлением речи и знака как носителя знания возникает возможность его экстерииоризации за пределы сознания. Логика имитации – интердикции не только приводит к появлению языка, но и принципиально новых механизмов сохранения знания. Возникает речь – миф (В.П. Римский), который включает в себя архаические имитативные механизмы, а также принципиально новое – профессионально-именной социокод (М.К. Петров). Последний уже основывается не на автоматизме подражания и имитации, а на символическом программировании человека в зависимости от его возраста, статуса и деятельности.

Речь-миф и лежащий в его основе механизм профессионально-именного кодирования основывался на фрагментации знания во вневременные имена и последующей сборке-отчуждении в головах старейшин, носителей мифа. Первый контур противоречий заключается в противоречии между деятельностью и знанием, ограниченностью человека – хранителя знания. Деятельность и знание диалектически взаимодействуют во взаимной трансформации. Через личный опыт носитель имени корректирует знание, которое наследуют следующие поколения. Носителем фрагмента знания выступает конкретный человек, совокупного знания – старейшина. Посредством наделения именем знание сегментируется и собирается вновь. Второй план противоречий кроется в самой речи – мифе, который объединял телесный автоматизм, ограниченный временем, и вневременной знак. И один

из аспектов этого противоречия выражается в противостоянии речи и письма. Если первое нуждается в человеке, его присутствии здесь и сейчас, то письмо как уже написанное, совершенное, нет. Письмо еще более отчуждает знание от живого человека, хотя и нуждается в нем для извлечения смысла. Так или иначе, совокупность факторов, среди которых умножение знания, упрощение письма и его темпоральность, не требующая непосредственного общения, приводят к появлению нового механизма сохранения знания, основным элементом которого стала книга.

Вошедшим в «орбиту» книгоцентричного механизма сохранения знания можно считать античную философию и далее науку, поскольку вплоть до сегодняшнего времени книга сохраняет свою актуальность. Письмо в этой истории «грамматологии» вытесняет речь в той конфигурации, которая складывается в тесной связке с философией и позднее богословием. Хотя и в античной философии, и в средневековой теологии сохранялись возможности альтернативы. Важно то, что новое социальное кодирование (социокод), было текстоцентричным. В Средние века оно сосредотачивается вокруг «центра интеграции смысла» – Библии. Античный механизм теоретического сжатия знания (механизм сохранения), который включал в себя комплекс книга – автор-творец, трансформируется в соответствии с принципом троичности и дополняется институтом Церкви. Выявленный М.К. Петровым источник трансформации знания, спор об источнике знания и творческой природе человека, дает нам возможность не только говорить о новых механизмах трансмутации, вырастающих из догматических споров, но и новом интерьере хранения знания – библиотеке, монастырской и университетской.

При этом параллельно «книжным» механизмам хранения знания сохраняются прежние механизмы, основанные на мифе и речи. Живая устная традиция была представлена песнями, сказаниями, поэмами. Она представляла собой оборотную сторону преобладающей «книжной» модели сохранения знания, была подвижной внутренне и статичной внешне,

поскольку нуждалась в непосредственном контакте слушателя и рассказчика, стремящаяся к мифу как идеалу, присваивала реальные события и мифологизировала их, но, при этом, была подвижной, пересказывалась и перепевалась, передавалась от человека к человеку. Часто точками пересечения рассказчика и слушателей были монастыри, и это знание отчуждалось в текст, сохраняясь в нем, но не обязательно.

Соприкосновение с речью-мифом было и в том, что память простых людей ограничивалась памятью крестьянской общины или цеха. Объем знаний, рецептурных по своему характеру, не выходил за границы необходимого для выживания и востребованного в повседневной жизни. Заучивание и запоминание практиковали также клирики и дворяне, имевшие возможность сохранять знание «книжным» способом. При этом последние часто хранили знание в голове зависимого человека или привлекали клириков, которые выступали хранителями знания, теми, кто записывает, отчуждает конечное знание смертного человека в вечный текст. Не менее вечным был также и образ, который наряду с живым словом составлял параллельные механизмы хранения знания, часто зависимые от слова. Слово Писания разворачивалось в образ в иллюстрациях книг, образах святых и изображениях сцен из Библии, равно как и самой архитектуре.

Во *второй главе «Современные информационные технологии кодирования культуры и хранения информации»* решается задача определения специфики и перспектив современных технологий кодирования культуры, что связано с возможностью преодоления ограничений человекоразмерности с помощью техники, но также возникающими «вызовами», стоящими перед человеком и человечеством.

В *первом параграфе «Социокоды культуры и машинные языки кодирования информации»* раскрывается специфика современных технологий кодирования культуры.

Закат «галактики Гутенберга», о которой писал М. Мак-Люэн, или переход к современности, связан с возникновением нового характера связи

между человеком и техникой, а также изменением самой техники. Технические средства персонифицированные в различных медиа устройствах позволяют преодолеть границы человекоразмерности, в том числе, и в деле сохранения знания. Более того, техника оказывается связана со знанием практически на генетическом уровне, поскольку, по замечанию М. Хайдеггера, греческие слова «технэ» и «эпистеме» оба означали знание и раскрывали истину. И если первое утверждение открывает перспективы снятия противостояния человека и машины (техники), то второе выглядит спорно, раскрывает ли техника истину сегодня или скрывает ее, а также сохраняет знание или действует обратным образом. Для В. Беньямина техника, одно из её проявлений в современности, это бессознательное, которое противится рационализации и более скрывает истину, чем делает явным.

Опираясь на первое утверждение, можно предположить, что пределы вместимости человека и кризис традиционных механизмов сохранения знания преодолеваются техникой. И такое предположение актуализирует ряд угроз, среди которых возможность беспамьтства по причине атрофии практик сохранения знания самого человека, но также и проблема сохранения человека как человека. Выход может быть найден в преодолении восприятия техники как внешнего для человека. Ссылаясь на Л. Мамфорда можно говорить о человеке как существе изначально связанном с языком и техникой. Наиболее устойчивая из таких машин человек – книга, которая успешно функционировала как механизм сохранения знания в средневековье, представляя собой мега-машину человек – книга – библиотека – монастырь. Начиная с эпохи Нового времени, этот механизм сохранения знания существенно трансформируется под влиянием комплекса факторов, как роста объема знания, так и движения Реформации, а также появления технологии печати. Монастырские библиотеки теряют монополию в деле хранения знания и уступают место национальному государству.

Новый механизм сохранения знания включал в себя человека – книгу – библиотеку – государство. Техника внутри этого механизма играет еще большую роль за счет самой природы носителя знания – печатной книги. Другой особенностью нового механизма является усиление связи с властными практиками, что выражается в возникновении государственных национальных библиотек. Они возникают как хранилища «национального духа» и, тем самым, хранилищем самой нации, её памяти и идентичности, тем более, что по меткой формулировке Б. Андерсона, нации есть «воображаемые сообщества». Задача активизации такого воображения была возложена, в первую очередь, на литературу, а значит и книгу. Весь новоевропейский механизм сохранения знания перестраивается под задачу создания нации через создание общей памяти и общего знания. Сам механизм сохранения знания ставится на службу государству и решает задачу построения нации, но включает в себя и противоречивую тенденцию частных библиотек.

В явном или оформившемся виде альтернатива данному механизму возникает с появлением радио и кинематографа. Радио продолжало архаическую устную традицию, а кинематограф решает давнюю, восходящую к мифу и ритуалу, проблему передачи движения. Через показ деятельности он очень тесно, сущностно связан с мифом через показ, образ и движение, которые в мифе были слиты. В этот ряд в широком смысле механизмов сохранения и трансляции знания можно поставить также театр, цирк, различные зрелищные формы празднеств. Все они соединяют показ и действие и в своих развитых формах тесно связаны с нарративом и книгой. Кинематограф соединяет эту сущностную основу, апеллирующую к массовости, с технической основой или технологией записи и передачи образа, а затем и звука. Возникает возможность не только передачи действия, но и его сохранения, что прерывает монополию символа и его связи со знанием на сохранение вообще. Причем относительно сохранения знания, при явных возможностях фиксации реальности, кинематограф вызывает

вопросы. В. Беньямин отмечает принципиальное противоречие между кинематографом и традицией, а значит и сохранением знания, по крайней мере, в его традиционных формах. Его же слова о том, что кинематограф кардинальным образом искажает реальность, подтверждаются культурной политикой государств в XX веке и сегодня, сделавшие это медиа наиболее эффективным средством манипуляции человеком. Кинематограф становится частью иного механизма, механизма беспамятства.

Во *втором параграфе «Перспективы технологий кодирования и хранения информации в XXI веке»* исследуются перспективы современных технологий кодирования и хранения информации, которые связаны с возможностью практически безграничного сохранения знания и тотального знания о человеке, но и с обратными тенденциями, актуализирующими забывание, которое можно считать необходимым дополнением к развитым механизмам сохранения.

В «Пармениде» М. Хайдеггер пишет о начале, суть которого раскрывается в истории последней. Таким изначальным и вневременным для нас представляется культура, механизмы сохранения знания, включенные в культуру, и техника. Сегодня они «собраны» в ситуации кризиса устоявшихся в эпоху модерна механизмов сохранения знания, которые находятся под угрозой поглощения со стороны техники и «культуры забвения». Потеря памяти как невозможность трансляции своего частного, локального кода тесно связана с феноменом технологии и техники, но, возможно, в ней есть и спасение. Такая расстановка и постановка проблемы является началом, суть которого приходит последней и в смысле давней мифологической истории Прометея и Эпиметея, то есть, она имеет давнюю историю и не является современной. Противоположности двух братьев как «думающего до» и «думающего после», предвидящего и забывающего описывают современную проблему наследования и сохранения информации в нескольких регистрах.

Забывание может трактоваться различно, как невозможность запоминания в виду пределов человекоразмерности, как невозможность раскодировать сообщение и извлечь смысл или утрата кода. Все эти причины компенсирует техника. Забывание сегодня связано с принципиально иным, с отсутствием необходимости запоминать самому, при доступной возможности перепоручить это машине. Эти проблемы в контексте современности связаны также с тем, что как никогда ранее изменяется то, что М.К. Петров назвал интерьером. Устойчивость профессиональной стороны жизни человека ушла в прошлое. Под этим стоит понимать и устранение саморегуляции профессиональной деятельности, расширение государственного лицензирования, усилением международной конкуренции на рынках труда, но также рост краткосрочной занятости. Профессия сегодня часто уже не деятельность на всю жизнь. В этих процессах есть развитие логики самого капитализма, но также и логики развития культуры, как знаковой системы, воспроизводящей и преумножающей знание. Человек в такой ситуации осваивает новое знание, «разворачивает» его в деятельность, но также и «забывает» старое знание, уже не являющееся необходимым для его профессиональной деятельности. И следующий вопрос, который необходимо задать, состоит в том, что происходит с культурой в целом и механизмами сохранения знания, которые обеспечивают стабильность и преемственность, при таких трансформациях. Мы можем предположить, что рост знания и легкость обучения и забывания, вкупе со сменой деятельности, говорят о том, что сегодня разворачивается внутренне противоречивый процесс унификации знакового кодирования знания – деятельности с одновременной его локализацией и специализацией.

Очевидно, что возрастает скорость трансляции знания. Знание становится более открытым, поскольку цензы в его распространении снимаются, преодолевая границы наций, государств, профессиональных и родственных сообществ. Но «срок жизни» его также уменьшается. Оно уплощается, теряет глубину и содержание, в основе чего лежит

противоречивый процесс унификации знания, что решается использованием уже не знака, а кода. Компьютерный код, возникающий как различие между нулем и единицей, становится таким предельно унифицирующим кодом. И это минимальное содержание смысла, закодированное в паре цифр, есть аналог декартова утверждения, но только вне человеческой головы, без привязки к существованию совершенно конкретного, живого человека. Оперирующий им машинный разум лишен человеческих ограничений по объёму хранимой информации, а также по времени. Но также он лишен и культурной привязанности. Это одна из причин кризиса традиционных механизмов сохранения знания.

В этом контексте, поскольку понимание машинной памяти затруднено внешним, интерфейсом и общей образностью вывода информации, стоит обратить внимание также и на различие знака и кода в контексте различия аналоговых и цифровых медиа. Не будет ли в этой основе, а это действительно основа как передачи, так и сохранения знания, также основания (еще одного) тех новых механизмов сохранения знания (сохранения знания в формате информации), которые утверждаются на наших глазах. Причем интересно также то, что это изменение произошло незаметно для нас. Человек сталкивается с внешней стороной машины, тем, что сегодня называют интерфейсом, системами ввода и вывода информации. Тогда как внутренность машины, а значит и её суть, остаются скрыты. Так незаметно произошел переход от аналоговых способов хранения и передачи информации к цифровым. И последние можно считать вторым типом механизмов сохранения и передачи информации (знания), после непосредственной передачи посредством имитации, непосредственного наблюдения и воспроизводства, которую можно считать первым типом. Если в первом типе информация сохраняется в отношениях идентичности и подобия, то во втором в отношениях соответствия, которое устанавливает не человек, а машина. Человек ограничен в отношении извлечения значения, декодирования информации, что также имеет и положительное следствие,

поскольку процесс раскодирования, как и хранения, локализован в самой машине. Иначе говоря, библиотека из нашей схемы механизма сохранения знания становится виртуальной, с некоторыми оговорками выпадает из сферы контроля государства и локализуется в инфосфере конкретного человека. Вполне возможно, что впервые в истории человек получает возможность, благодаря технике, создания собственных механизмов сохранения знания.

Отрицательной стороной беспрецедентного развития механизмов сохранения информации является феномен знания без адресата, такого знания, которое хранится ради хранения и не предполагает актуализации, разворачивания в деятельность. Знание застывает в коде, не воплощаясь в практическую деятельность, но сохраняясь как информация, знанием без актуализации, разворачивания в деятельность «живого» человека, без извлечения смысла и надежды на творческое изменение. Виртуальная библиотека является идеальной с той существенной поправкой, что в ней нет читателей и из механизма сохранения она превращается в противоположное. Феномен «машин забвения», к которым можно причислить кинематограф, телевидение, а также их цифровые версии и всевозможные формы коллаборации в виртуальном медийном пространстве, характеризует современную культуру, отсылая от праздника к мифу и образу, симуляции и симулякризации. Машина беспамятства, забывания или забвения соединяет все эти смыслы и организует различные практики, в том числе театрализации жизни, соединенные с практиками потребления.

Образно говоря, мы можем предположить, что Прометей и Эпиметей объединены в одной машине, хранящей информацию и обеспечивающей её забвение. Память, сохранение знания, как внешнее, а часто и угрожающее, не только внутреннее, изначально возникает как проблема. И решение есть как раз забывание. То есть, оппозиция внешнего и внутреннего, человеческого и технического есть также оппозиция памяти и забвения, сохранения и

уничтожения. И возможно, сегодня, в современности, мы как никогда ранее сталкиваемся с явностью этих оппозиций.

В заключении подведены итоги исследования и намечены перспективы развития исследований механизмов сохранения знания в культуре.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК

1. Проблемы социокодов культуры и трансляции информации в современной культурологии // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – № 3 (272). – Вып. 39. – Белгород, 2017. – С. 166-172. (0,5 п.л.)

2. Информационные технологии кодирования и хранения культурной памяти в эпоху кризиса локальных культур // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Том 43, № 2. – Белгород, 2018. – С. 384-387. (0,5 п.л.)

3. Социокоды и технологии хранения информации в первобытной культуре // Научные ведомости БелГУ. Серия Философия. Социология. Право. – Том 43, № 3. – Белгород, 2018. – С. 56-62. (0,5/ 0,25 п.л.) (в соавт.)

Публикации в научных журналах и сборниках

4. О сущности антропологического подхода к пониманию техники // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: АМИ, 2017. – С. 176-179. (0,4 п.л.)

5. Семиотизация коммуникационного процесса как показатель неизбежности культуры // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. – Вып. 3(15). – Белгород, 2017. – С. 177-179. (0,5/ 0,25 п.л.) (в соавт.)

6. Культурный код как средство трансляции культуры // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Белгород: ИПК БГИИК, 2017. Т.5. – С. 95-97. (0,4 п.л.)

7. О проблемах определения сущности культуры и семиотизации коммуникационного процесса // Культурные тренды современной России: от

национальных истоков к культурным инновациям. Сборник докладов V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых учёных. – Белгород: ИПК БГИИК, 2017. Т. 1. – С. 12-14. (0,4 п.л.)

8. Культура как знаково-символическая система хранения информации // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. – Вып. 1(13). – Белгород, 2017. – С. 199-202. (0,4 п.л.)

9. Социокоды в современных информационно-медийных системах // Сборник докладов Международной научной конференции «XXIX Петровские чтения. Наследие М.К. Петрова: история философии, культурология, науковедение и регионалистика». – Ростов-на-Дону, Белгород, 2016 г. – С. 343-345. (0,4 п.л.)

10. Социальная сеть как информационно-коммуникационный тренд современного общества // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям». – Белгород: ИПК БГИИК, 2016. – С. 160-162. (0,4 п.л.)

11. О революции облачных технологий // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке». ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. – С. 251-260. (0,4 п.л.)

12. Философско-антропологический анализ информационных технологий, как средства трансформации повседневной жизни человека // Сборник докладов заочной Всероссийской научно-практической конференции «Человек в пространстве культуры». – Белгород: Изд-во БГИИК, 2014. – С. 219-222. (0,4/ 0,2 п.л.) (в соавт.)